

Наталия ЛЕСКОВА

Сердце царицы

В уютный купеческий Белёв мы попали в предзакатную пору, когда ещё вовсю работали магазинчики, бойко торгующие белёвской пастилой и тульскими пряниками, а на городок уже опускались сумерки. К тому же холодало, а фонари горели только на главной улице. Найти в этой темноте заветный дуб, под которым, по легенде, зарыто сердце императрицы Елизаветы Алексеевны, казалось невозможным. Но мы упорствовали, кружили по узким улочкам, спрашивали прохожих. И вот, когда подумали, что придётся уезжать ни с чем, повезло: едва заметный с дороги указатель вывел в старый парк, посреди которого стоял мощный двухсотлетний дуб – одно из самых старых деревьев России.

Принцесса Баденская

Принцесса Луиза Мария Августа родилась в Германии, в Карлсруэ, 24 января 1779 года в семье Карла Людвиг Баденского. Девочка была настолько мала и слаба, что врачи всерьёз опасались за жизнь и здоровье дочери наследного принца. Впоследствии Николай Карамзин напишет: *«Вы сомневались, принять ли жизнь»*.

В письме к матери новорождённой принцессы цесаревич Павел I желал ей *«счастливого возраста и преуспевания»*, а Екатерина Великая написала её деду маркграфу Карлу Фридриху: *«Сорадуемся Вашей Светлости и любви о сём щекотливом происшествии и желаем новорождённой принцессе постоянного здоровья»*.

Никто тогда не догадывался, что девочке предстоит повторить судьбу матери, которая вместе с сёстрами рассматривалась в 1772 году в качестве невесты для великого князя Павла.

В 1790 году на баденских принцесс обратила внимание императрица Екатерина II, желавшая женить старшего внука Александра. Она поручила своему представителю при имперском сейме графу Н.П. Румянцеву посетить дворец Карлсруэ с целью *«... увидеть дочерей наследного принца Луизу-Августу, 11 лет, и Фредерику-Доротеею, 9 лет»*. Кроме внешнего обличья, императрицу интересовали *«воспитание, нравы и душевные дарования сих принцесс»*.

Два года граф Румянцев наблюдал за принцессами *«с крайней осторожностью, никого не компрометируя и сколько можно меньше гласно»*. Румянцев сразу же пришёл в восторг от старшей – Луизы-Августы. Сопровождавший

его Евграф Комаровский писал: *«Я ничего не видывал прелестнее и воздушнее её талии, ловкости и приятности в обращении»*.

После столь лестных рекомендаций Екатерина распорядилась пригласить сестёр Баденских в Россию. Александру оставалось после прибытия сестёр 31 октября 1792 года в Петербург остановить свой выбор на одной из них. Его избранницей оказалась старшая – Луиза, а младшая, пробыв в Петербурге до августа 1793, уехала обратно в Карлсруэ.

Воспитатель Александра А.Я. Протасов записал в своём дневнике: *«Александр Павлович обходился с принцессою старшею весьма стыдливо, но приметна в нём была большая тревога, и с того дня, полагаю я, начались первые его к ней чувства»*. Луиза была влюблена в будущего императора, хотя и принимала его сдержанность за неприязнь. Однако молодая пара вскоре нашла способы объясниться друг с другом. Из личных записей принцессы: *«Однажды вечером, когда мы рисовали вместе с остальным обществом за круглым столом в бриллиантовой комнате, Великий Князь Александр подвинул мне письмо с признанием в любви, которое он только что написал. Он говорил там, что, имея разрешение своих родителей сказать мне, что он меня любит, он спрашивает меня, желаю ли я принять его чувства и ответить на них, и может ли он надеяться, что я буду счастливой, выйдя за него замуж. Я ответила утвердительно, также на клочке бумаги, прибавляя, что я покоряюсь желанию, которое выразили мои родители, посылая меня сюда. С этого времени на нас стали смотреть как на жениха и невесту. Мне дали учителя русского языка и Закона Божия»*.

Великая княгиня

9 мая 1793 года Луизу перекрестили из лютеранства в православие, нарекли Елизаветой Алексеевной, 10 мая обручили с Александром Павловичем, а 28 сентября сыграли свадьбу. Празднества по случаю женитьбы любимого внука Екатерины продолжались четырнадцать дней и завершились блистательным фейерверком. Во время обручения кольца молодым надевала сама императрица.

Молодожёны окунулись в жизнь, наполненную праздниками и нескончаемыми удовольствиями. У них появился свой штат, свой двор. Светское общество называло их «двумя ангелами», а Державин в своём стихотворении сравнил их с Амуром и Психеей.

Очень молодая и застенчивая Елизавета была поражена великолепием и пышностью русского двора, но в то же время и напугана постоянными интригами, которые велись здесь с холодным расчётом. Несмотря на окружавшее её богатство, она чувствовала себя одинокой и немного тосковала по дому. Отношения с Александром были её единственным источником утешения. В своих письмах к матери Елизавета писала: *«Без моего мужа, который сам по себе делает меня счастливой, я должна была умереть тысячью смертей. Счастье моей жизни в его руках, если он перестанет меня любить, то я буду несчастной навсегда. Я перенесу всё, всё, но только не это».*

Супружеские измены

Боясь измен и холодности мужа, Елизавета как в воду глядела. Александр начал пренебрегать ею, и Елизавета стала искать уединения, сделалась мечтательной и замкнутой, имела свой узкий круг приятных ей людей. В покоях молодой женщины появились серьёзные книги по истории, географии и философии. Занятия были настолько усердными, что даже знаменитая княгиня Дашкова, стоявшая во главе двух российских Академий и отличавшаяся

Императрица Елизавета Алексеевна.
Элизабет Виге-Лебрен, 1797

едким, бескомпромиссным характером, необыкновенно тепло отзывалась о Елизавете: *«Меня привлекли к ней ум, образование, скромность, приветливость и такт, соединённый с редкой для такой молодой женщины осторожностью. Она уже правильно говорила по-русски, без малейшего иностранного акцента».*

Осложнилось всё смертью Екатерины. В ноябре 1796 года на трон взошёл отец Александра Павел. Испортились отношения у великой княгини с родителями Александра. По мнению придворных, Мария Фёдоровна не могла простить невестке *«её красоты и грации»* и предпочтения Екатерины.

В то время Александр был страстно увлечён придворными дамами. Елизавета же сначала искала утешения в тесной дружбе с графиней Головиной,

а затем в романе с князем Адамом Чарторыйским, ближайшим другом Александра.

Прасковья Фредро, дочь знаменитой мемуаристки Варвары Головиной, долгое время бывшая подругой Елизаветы Алексеевны, в своих мемуарах писала об Адаме: *«Князь Чарторижский, введённый императором Павлом в окружение его сына, был одним из тех редких и опасных людей, которые сильно чувствуют и внушают столь же сильные чувства: их благородную и глубокую страсть выражает меланхолический взгляд, а их сдержанность и молчание говорят лучше всяких слов. Он не старался вызвать любовь великой княгини, напротив, он долго и доблестно противился её чувству, но эти усилия спасти её только подлили масла в огонь».*

После более чем пяти лет бездетного брака великая княгиня Елизавета Алексеевна 29 мая 1799 года родила дочь, названную в честь бабушки, – великую княжну Марию Александровну. В её честь в городе была «пушечная пальба» из 201 выстрела. На крещении Павел I в разговоре со статс-дамой Ливен заметил: *«Сударыня, возможно ли, чтобы у мужа блондина и блондинки родился тёмный младенец?»* На что последняя ответила: *«Государь, Бог всемогущ!»*

Дом Дорофеевых сегодня

После рождения маленькой княжны отношения императрицы Марии Фёдоровны и великой княгини Елизаветы Алексеевны ещё более обострились, а письма на имя великой княгини велено было перлюстрировать. Недоброжелатели Елизаветы смогли возбудить в уме Павла подозрения против невестки. 12 августа 1799 года гофмейстера Чарторыйского немедленно назначают министром короля Сардинского, и уже 23 августа того же года он срочно выезжает из Петербурга в Турин.

Смерть первенца

Оскорблённая подозрениями и императорской немилостью, Елизавета замкнулась в пределах детской комнаты и своих апартаментов, стараясь как можно меньше принимать участия в делах двора и большого света. Все её интересы отныне заключались в «мышке», как она звала дочь. Отныне вести о ней занимают в её письмах к матери главенствующее место: *«Моя малышка Мари, наконец, имеет зуб, одни утверждают, что глазной, другие – что это один из первых резцов. Всё, что знаю я, – это то, что дети начинают обычно не с передних зубов. Однако она почти не болела, сейчас, кажется, появляется второй. Это такая славная девочка: даже если ей нездоровится, об этом нельзя догадаться по её настроению. Только бы она сохранила этот характер!»*

Однако материнское счастье было недолгим. 8 июля 1800 года, прожив всего лишь тринадцать месяцев, великая княжна Мария Александровна скончалась. Государь был огорчён этим и испугался того, как подействовало

горе на Елизавету: *«Она почти не плакала, и Государь очень беспокоился об ней»*.

Между тем Александр увлёкся полькой Марией Нарышкиной, по оценкам современников имевшей необыкновенную красоту и грацию. Поэт Державин описывал любовницу императора так: *«Чёрными очей огнями, грудью пышною своей она чувствует, вздыхает, нежная видна душа, и сама того не знает, чем всех больше хороша»*.

Мария Фёдоровна же, защищая сына, обвиняла во всём саму Елизавету Алексеевну: *«Она сама виновата. Она могла бы устранить эту связь и даже сейчас ещё могла бы вернуть своего мужа, если бы захотела применить к нему, и она сердилась на него, когда он приближался, чтобы поцеловать или приласкать её... Конечно, она очень умна, но недостаток её в том, что она очень непостоянна и холодна, как лёд»*.

Несмотря на холодность в отношениях супругов, Александр в трудные минуты всегда прибегал к помощи и поддержке жены, поскольку знал сильный характер Елизаветы и её нравственную чистоту. Она же писала матери: *«Как только я чувствую, что ему грозит опасность, я вновь приникаю к нему со всем жаром, на который способно моё сердце»*.

Российская императрица

В ночь убийства Павла I Елизавета Алексеевна оставалась чуть ли не единственной, кто сохранял холодность рассудка, твёрдость характера и силу духа. На протяжении всей ночи 12 марта 1801 года она оставалась рядом с мужем и оказывала ему сильнейшую моральную поддержку, лишь иногда отлучаясь по просьбам Александра, чтобы проверить состояние его матери Марии Фёдоровны.

Венчание на царство совершилось в воскресенье 15 сентября 1801 года в Успенском соборе Московского Кремля. Манифест о короновании даровал народу ряд милостей, в том числе широкую амнистию и щедрую благотворительность.

Первые годы правления Александра стали радостными не только для России, но и для самой Елизаветы. После долгих лет разлуки в Петербург из Бадена приехали её родители, две сестры и брат.

Однако в императорской семье Елизавета была оттеснена на второй план свекровью – вдовствующей императрицей Марией Фёдоровной, имевшей воздействие на сына-императора, который чувствовал вину за смерть отца.

По словам великого князя Николая Михайловича, биографа императрицы, *«как и Александр, Елизавета ненавидела всякий этикет и церемонию; она любила жить просто и тогда получала полное удовлетворение»*. Елизавета Алексеевна активно занялась благотворительностью, взяла под своё покровительство сиротский приют и несколько школ в Петербурге. Особое внимание она уделяла Царскосельскому лицей, где впоследствии учился юный Пушкин.

Наполеоновские войны

Тем временем Александр продолжал увлекаться дамами на стороне, а в 1802 году, втянутый австрийцами в войну с Наполеоном, покинул Санкт-Петербург. Одинокая Елизавета Алексеевна знакомится с Алексеем Охотниковым, штаб-ротмистром, который страстно влюбился в императрицу. Вспыхнул бурный роман. Но 4 октября 1806 года кавалергард был смертельно ранен наёмным убийцей при выходе из императорского театра.

Презрев светские условности, императрица примчалась к одру возлюбленного и провела с ним последние часы. Известно, что она неоднократно приезжала на могилу Алексея Яковлевича. 15 ноября 1806 года Елизавета родила дочь, которую назвали в её честь. Александр ребёнку признал.

Дочь императрицы, великая княжна Елизавета Александровна, которую мать ласково называла «котёночек», стала предметом её страстной любви и постоянным занятием. Но счастье продолжалось только восемнадцать месяцев. У княжны очень трудно резались зубы. Доктора стали давать ей укрепляющие средства, что только увеличивало раздражение. У княжны произошли судороги. Был созван весь факультет, но никакие средства не могли её спасти. 12 мая 1808 года девочка умерла.

Страх смерти

Между тем с Александром происходили страшные вещи. Он всё чаще стал опасаться той же участи, что повергла его отца, начал «слабеть душевно».

Елизавета Алексеевна, никогда не отличавшаяся хорошим здоровьем, на фоне всех этих переживаний почувствовала себя хуже. Всё больше императрицу стали мучить проблемы с нервами и лёгкими. Врачи советовали сменить климат и уехать в Италию. Но Елизавета категорически отказалась покидать Россию, и для лечения был выбран Таганрог.

Первым выезжал из столицы Александр, чтобы на месте убедиться в сделанных приготовлениях. Император очень беспокоился о том, как перенесёт путешествие большая, и ежедневно посылал ей трогательные и задушевные письма и записки. Он внимательно следил за приготовлением апартаментов, расставлял в комнатах мебель и собственноручно вбивал в стены гвозди для картин.

Елизавета Алексеевна была счастлива уехать из Петербурга и оказаться наедине с мужем, вдали от гнетущей суеты двора и постоянных интриг вдовствующей императрицы. Кorteж Елизаветы Алексеевны двигался с частыми остановками, и в Таганрог она прибыла 23 сентября 1825 года. Александр встречал жену за городом.

Как только здоровье Елизаветы немного улучшилось, Александр принял решение посетить южные губернии и Крым. В Севастополе император сильно простудился. В ночь с 27 на 28 октября 1825 года Александр Павлович почувствовал жар и озноб. Только 5 ноября император возвращается обратно к жене в Таганрог. *«Я чувствую маленькую лихорадку, которую схватил в Крыму, несмотря на прекрасный климат, который нам так восхваляли. Я более чем когда-либо уверен, что, избрав Таганрог местопребыванием для моей жены, мы поступили в высшей степени благоразумно»*, – говорил Александр Елизавете Алексеевне и врачам. Однако в ту же ночь ему стало хуже.

Лейб-медик Яков Вилле записал в своём дневнике о здоровье его величества так: *«Ночь провёл дурно. Отказ принимать лекарство. Он приводит меня в отчаяние. Страшусь, что такое упорство не имело бы когда-нибудь дурных последствий»*.

Весь следующий день Александр был весел и любезен с окружающими. Но уже утром 8 ноября последовал новый приступ. Елизавета Алексеевна была близка к панике.

Несколько дней император отказывался от всех лекарств. *«Когда я ему говорил о кровопускании и слабительном, он приходил в бешенство и не удаивал говорить со мною»*, – писал в дневнике Вилле. В какой-то момент ему вроде бы стало лучше, он попробовал встать, но силы оставили его, и царь потерял сознание. Придя в себя, государь высказал последнее желание – исповедоваться и приобщиться Святых Тайн.

Последние сутки император почти не приходил в сознание. В четверг 19 ноября (1 декабря) 1825 года началась агония. В три четверти одиннадцатого император Александр I умер.

Всю жизнь провёл в дороге и умер в Таганроге

Смерть Александра I окутана легендами. Вскрытие тела покойного государя показало, что император *«был одержим острою болезнью, кою первоначально была поражена печень и прочие, к отделению жёлчи служащие, органы»*. Недаром он так боялся повторить участь отца и даже отказывался от лекарств – отравление могло стать причиной смерти.

После смерти мужа Елизавета Алексеевна задержалась в Таганроге ещё почти на полгода – ей сильно нездоровилось. И лишь в конце апреля Елизавета Алексеевна решила собираться в Петербург. Навстречу ей выехала мать Александра – Мария Фёдоровна, которая, доехав до Калуги, остановилась там в ожидании своей больной невестки. А Елизавете Алексеевне было всё хуже и хуже. В Белёве, в 90 верстах от Калуги, она почувствовала себя совсем плохо. На ночь остановилась в доме купца Дорофеева. Попросила было позвать доктора, но узнав, что он спит, приказала не будить его.

Елизавета Алексеевна умерла 4 (16) мая 1826 года около четырёх часов утра в доме купцов Дорофеевых (ул. Октябрьская, 7). Сейчас в этом доме находится отделение полиции. Дежурный полицейский любезно открыл мне электронный замок, когда я попросила разрешения сфотографировать табличку на здании.

Без завещания

Завещания Елизавета Алексеевна не оставила. На вопрос о его составлении она ответила: *«Я не привезла с собою в Россию ничего, и потому ничем распорядиться не могу»*. Перед поездкой в Петербург она лишь просила в случае

Памятный знак императрице Елизавете Алексеевне

её кончины передать свои личные дневники Николаю Карамзину, бывшему для неё близким другом.

Далее начинаются загадки. Одна из версий гласит, что тело императрицы бальзамировали, извлекли все внутренности (по другой версии – только сердце), поместили в сосуд и зарыли в саду купеческого дома.

По другой версии – в саду под старым дубом, однако никаких документальных свидетельств тому нет. Памятник с императорской короной, установленный в том же саду, гласит, что бальзамирование было произведено. Однако подтвердить или опровергнуть эти сведения не представляется возможным.

Если легенда о том, что тело было забальзамировано, правда, возникает вопрос: зачем? Уж не имел ли место заговор? Не была ли отравлена (или убита как-то иначе) вслед за императором и императрица?

Другое предположение: Елизавета была беременна, на сей раз от своего законного мужа, и именно этот факт пытались скрыть те, кто извлёк и спрятал её внутренности. Третье предположение – в Белёв привезли уже мёртвое тело убитой по дороге императрицы.

Ещё одна, самая популярная в те годы версия, – на самом деле Елизавета Алексеевна не погибла, а вслед за мужем решила «отказаться от мирской жизни», став затворницей Верой Молчальницей. Ведь вскоре после смерти августейшей четы появились легенды о Фёдоре Кузьмиче, которым якобы стал Александр Павлович. Но как всё было на самом деле – тайна, покрытая мраком. Известно лишь, что тело её по прибытии в Санкт-Петербург было захоронено в Петропавловском соборе рядом с телом мужа. Однако были свидетели, утверждавшие, что это вовсе не она.

Спустя три года, 4 мая 1921 года, в Белёв по дороге в Арзрум прибыл Пушкин, из-за чего ему пришлось сделать изрядный крюк: его чрезвычайно интересовала эта история. Он хотел писать роман или повесть об удивительной и загадочной судьбе Елизаветы Алексеевны, которой симпатизировал. Почему не были осуществлены эти намерения, мы тоже вряд ли узнаем.

Нельзя сказать, что сегодня в Белёве все помнят о несчастной императрице Елизавете Алексеевне, принцессе Баденской, не познавшей ни счастья супружества, ни счастья материнства и умершей в расцвете лет. Однако о ней наверняка помнит мощный раскидистый дуб в старом парке, который в те годы был юным цветущим деревом. Да старый дом купцов Дорофеевых, в стенах которого она провела свою последнюю (а может, и не последнюю?) ночь.

Фото автора